

«КЕЛЬЯ» МОЕЙ ДУШИ

Татьяна Николаева – милостью Божией одаренный человек. Она художник, поэт, многогранная, интересная личность. По её мнению, одаренность – это всегда ответственность перед Богом и людьми, обязательство вернуть в мир сторицею все то, чем щедро наделил тебя Господь.

? Иконопись — особый вид художественного творчества. Особым должен быть и импульс к вышиванию икон?

— Сначала, видимо, таким импульсом был недостаток духовного общения. Потом — возможность выразить свою любовь к Богу и ко всему святому. Ведь даже такое «общение» с небожителями — утешение.

? Как святые, которых Вы вышиваете, участвуют в Вашей жизни?

— Поскольку я общаюсь с ними, когда вышиваю, то обращаюсь с какой-то просьбой, наболевшим вопросом... Но это без дутой мистики: никаких видений, голосов, просто обстоятельство складывается так, что ответ приходит без особых усилий.

? Какое влияние на Вас оказывает образ, оживающий на полотне?

— Возникает чувство своей «поврежденности», острое, болезненное ощущение своей немощи... Уже исполненный лик обезоруживает, ведь работаешь перед ним. Первое время я боялась вышивать лики и делала их в последнюю очередь, но потом, почувствовав влияние исполненного лика на душевное состояние, стала в первую очередь вышивать его. Именно для того, чтобы пережить свое несовершенство. Дальше работа продолжается как бы сама собой.

? Можно ли сказать, что не мы выбираем святых для исполнения их образов, а они нас?

— Наверное. Боюсь утверждать, но иногда долго приходилось ждать, пока я посмею и смогу исполнить любившийся образ. Несколько лет ждала, когда смогу вышить икону святого блаженного мученика Иоанна Русского. Внук родился в день его памяти, вот и вышила для внука.

? Что главное в Вашей работе?

— У спортсменов это называется планка. Не хочу терять этот уровень чувствования жизни, освоенный островок духовности.

? При общении с духовным миром необходимо, чтобы чело-

век был готов к нему?

— Несомненно. Я приняла святое крещение в тридцать лет, а иконы начала вышивать в тридцать семь. Пять лет прожила в монастыре.

? Можно ли сказать, что этот труд — ваш крест?

— Быть женой — крест, быть русским человеком, директором, президентом — крест, быть матерью — еще больший крест... Может, крест — это быть? Когда живешь, отвечая перед Богом и людьми за эту самую твою сущность.

● Иконописцы древности не подписывали своих икон...

— Я не подписываю...

● Лицевое шитье (прим. — от «лицо», «лик») имеет свои традиции...

— У меня не получилось работать

в традиционном стиле. Во-первых, не было школы, учителя, изучала личное шитье по двум имеющимся в наличии книгам. Во-вторых, я испорчена профессионализмом. Традиционно лики вышивались просто, в наивной стилистике, а я начала искать «лепку» нитью ликов и рук, когда обнаружила мощную выразительность вышивки шелком.

? Какое основное средство выразительности в этой работе?

— Стежок, его расположение в расчете на традиционное для иконы освещение. Я не пользуюсь черной и белой нитью, кладу стежок так, что при определенном освещении глубина изображения появляется сама.

? Почему именно вышивка? Ведь иконы можно писать и красками...

— Моя бабушка Анастасия вышивала, да и я с детства умела. В юности очень любила тонкую восточную вышивку шелками. В этих изображениях было что-то метафизическое, не застылость красок, а живое свечение шелковой нити. Что может быть лучше для создания образов Богоматери, Христа, ангелов? Метафизический образ живет в пространстве, фотография, даже самая хорошая, не передает этого. Мои произведения не тиражируются. ЖИВОпись нитками в полном смысле этого слова.

? Есть ли какие-то секреты мастерства?

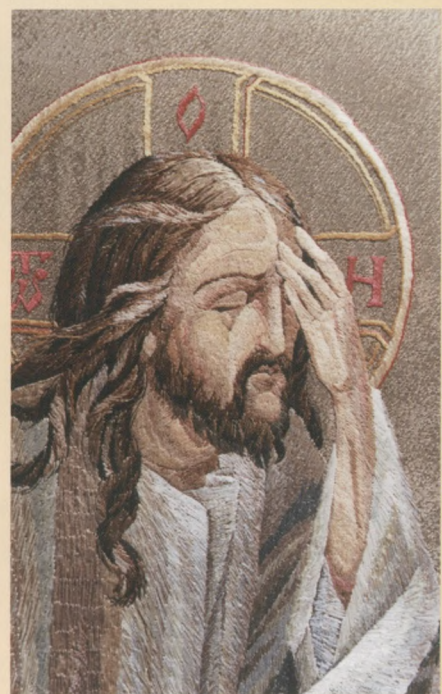
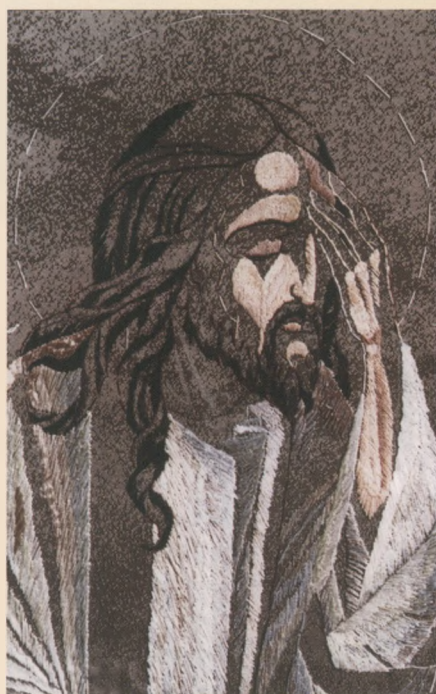
— Секретов нет. Каждая вышивальщица работает по-своему. Сначала вышиваю самые светлые и самые темные места. Я называю это «бликовый этап». Он жесткий, графичный, в нем уже закладывается глубина изображения, рамки, за которые я не выйду.

Потом уже начинаю заполнять эту «матрицу»: полутонами, цветом, рефлексимами, стараясь это делать прозрачно, не перегружая образ рукоделием. Это длительный процесс, интересный и целительный для души.

Наверное, у всех он протекает по-разному. Одно могу сказать определенно: отказалась от декора металлом и камнями именно потому, что нашла большие возможности в шелке. Это византийские традиции XIV-XV веков. Металлы, жемчуг и камни появились в XVI веке, а в XIX от живописи в иконах остались только лики и руки. Мне это не понравилось, и я выбрала чистую вышивку, поставив перед собой художественную задачу максимально освоить материал.

? Исполнение икон отличается от другого труда, даже чисто женского: шить одежду, вязать... Наверное, не все это смогут делать даже при большом желании.

— Да, это можно назвать подвижничеством, потому что нужен определенный образ жизни, отказ от чего-то привычного. Это знают все женщины, которые шьют и вышивают для храмов.

«ГОРНИЦА» ОТКРОВЕНИЙ

? Вы пишете стихи, поражающие своей откровенностью... Как Вам удастся совмещать в себе поэта и иконописца?

— Во мне это почти не совмещается. Каждый человек — некая целостность, но, на мой взгляд, в этой целостности можно вычленил три разные ипостаси, три пространства. В каждом из нас есть своя «келья», где он остается один на один с совестью, с сердцем, помыслами. Если человек верующий, то он в келье не одинок, присутствует Бог. Это не одиночество, а уединение.

Кроме кельи, есть еще «горница», место встречи с любимыми, близкими людьми, место полемик, бесед, искренности, просьбы, помощи, общения, одним словом.

Есть еще пространство, объединяющее нас всех. Я называю его «базар-вокзал». Это социум, общественная и про-

фессиональная деятельность — рынок душ, так сказать.

В келье я послушница, в горнице другом всем, в базар-вокзале я вынуждена быть воином, вооруженным до зубов.

? Получается, что иконы вышиваете в келье, а стихи пишете в горнице?

— Стихи пишу везде, где найдет строка.

? В Ваших иконах нет человеческой боли, бунта, сомнений, а стихи — сплошная боль, бунт. В стихах Вы высвобождаете свою боль?

— Наверное, так. Высвобождаю, леплю из неё конфетку, заворачиваю в фантик. Это лучше, чем брать в руки автомат и искать человеческую правду с оружием.

? А этот бунт — не гордыня?

— Да я не очень-то и бунтую, скорее — ною.

? А можно сказать, что стихи — это Ваша защита от мира?

— Точнее, не от мира, а от его агрессии. Действительность меня пинает, а я стихотворение в тетрадку о листопаде в октябре или о следах голубя на первом снегу...

Я веду дневник в форме «размышлизмов». То, что не вмещается в этот формат, становится либо стихами, либо вышитыми иконами. Можно назвать это «диапазоном» личности. Между «невмещениями» — обыденная человеческая жизнь с оплатой за коммунальные услуги, с нуждой, нескончаемыми вопросами и маленькими драгоценными чудесами — крупичками милости Божией к моей немощи. И еще — встречи с новыми людьми, которых вчера еще не знала, а сегодня они искренне мои. И слава Богу.

Материал подготовила
Елена Кириченко

• В САМЫЙ РАЗ •

Мягче, ветер, мягче — я без кожи.
Не сдувай лицо с моей души.
Хоть оно и не нужно, но все же
Погоди немного, не спеши.

«Нет лица на ней», — не обо мне ли
Обронили фразу на крыльце?
Мне с утра жаленьем плешь проели,
И напрасно — дело не в лице.

В коже дело. Я два дня без кожи!
Ветер, ты затихнешь хоть на час?
Вон идет навстречу мне прохожий,
Он без сердца. Это в самый раз.

• СКАЗКА •

Шуршим листвою. Она уже подсохла.
Неделя солнца — это просто сказка:
по серому — мазками — кадмий с охрой
и золота мерцающая ряска
от ветерка. Он без разбора ласков.

И мы идем куда-то без разбора
палитрой октября, вдыхаем краски
облупленных домов, дворов, заборов
коротенькой на слух житейской сказки,
свои подсказки стелющей у ног.
Шуршим листвою я, внук и ветерок...

• НАПЕРЕКОР •

Моей любви не хватит на пройдох.
Был в мире голубь белый, да издох,
Был мир под небом, чтобы саду цвести...
Где он сейчас? Почем сейчас? Бог весть...

Моей любви хватило, чтобы лишь
Укрыться в келье, как в подполье —мышь.
Но плачет мир, и я в него иду
Все му наперекор — уму, Суду...

СПОНСОР РУБРИКИ —
ООО «СИБСТАЛЬКОНСТРУКЦИЯ-1»